

*А.Б. Борисова
(Челябинск)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ

Политическая культура является одной из наиболее популярных и вместе с тем неоднозначных категорий в политологии и политической социологии. Она не является изначально заданным, неизменным феноменом. Политическая культура не может быть универсальной, она несет на себе отпечаток времени и места, национальных особенностей того или иного этноса. Она лишь часть системы общей культуры, связанная с одной из сфер общественной жизни, а, следовательно, неотделима от целостного исторического опыта общества.

Одним из актуальных и в то же время недостаточно разработанных, с точки зрения исследования политической культуры, хронологических периодов новейшей отечественной истории является период перестройки. Россия второй половины 1980-х гг. вызывает ныне повышенный интерес у части исследователей как исторический опыт переходного, динамично изменяющегося (транзитивного кризисного) общества, во многом схожий с современной российской действительностью. Бурная социокультурная трансформация перестроечного периода оставила глубокий след в биографии каждого современника.

Для более глубокого понимания социокультурных процессов второй половины 1980-х гг. необходим повышенный исследовательский интерес к феномену молодого человека в условиях динамичных социальных изменений.

Гласность разрушила стереотипное представление о положении и роли молодежи в советском обществе. Актуальными стали вопросы: «Не является ли нынешняя молодежь «потерянным» для перестройки поколением?», «Не вызвала ли сама перестройка кризис молодежной социализации?», «Не приведет ли демократизация к еще большей дестабилизации социальных и идеологических позиций молодежи?», «Какова социально-политическая перспектива у молодежи?» и т.д.¹

Широкую известность получила точка зрения, согласно которой именно молодежь вместе с «поколением XX съезда» (то есть теми, кому сейчас около 60-и лет) — были самыми активными и последовательными сторонниками перестройки. Прежде всего это проявилось в политической активности молодых, принимавшей нетрадиционные формы. Молодежь оказалась психологически готовой и к экономической самостоятельности.

Но к концу 1980-х гг., видя бесперспективность улучшения своего жизненного уровня, молодые люди в значительной массе отвернулись от горбачевских реформ. Об этом свидетельствовало представительное социологическое исследование (5 тыс. опрошенных молодых людей из 16 регионов страны), проведенное Научно-исследовательским центром Института молодежи. На вопрос «Потерпела ли перестройка провал?» 64 % респондентов ответили «да», 14 % — «нет». Наиболее пессимистически были настроены молодые руководители и инженерно-технические ра-

ботники. На вопрос «Как можно долго терпеть лишения ради будущего благополучия общества?» 61 % ответил, что «терпение иссякло»².

Также можно отметить отказ значительной части молодежи от идеологии, ценностей, образа жизни старшего поколения. «Этот конфликт поколений носит глобальный, ширококомасштабный характер, его последствия долговременны и касаются не какого-то отдельного сектора общественной жизни, а всего общества. Ситуация развивается так, что конфликт в какой-то момент перестройки и «реформ» перерос в разрыв поколений»³. Причину разрыва межпоколенческих связей назвал сам инициатор перестройки М.С. Горбачев. Спустя пять лет после начала реформ он вынужден был констатировать, что молодежь оказалась в состоянии отчуждения и от собственности, и от производства, и от власти, в меньшей мере от культуры⁴.

Поколение, формировавшееся в 1980-е гг., болезненно уяснило для себя обостренное противоречие между ростом потребительских стандартов и чрезвычайно ограниченными возможностями их удовлетворения.

В растворе этих «ножниц» происходил генезис новой утопии. Давно пустующее в советской ментальности место коммунистического рая заняла заграница (Запад). С углублением либерализации получила колоссальное распространение идеология спасительной эмиграции из «совка» (популярное в молодежной среде название Советского Союза). Как отмечали социологи, в Москве и других городах России в тот период существовали школы, в которых все старшеклассники высказали желание эмигрировать. «По оценкам социологов ... каждый второй выпускник ВУЗа уже сейчас готов покинуть пределы страны при условии, что им будут предоставлены рабочие места. Не исключено, что социологические оценки даже занижены»⁵.

Идеология эмиграции представляет собой серьезный фактор дезинтеграции общества и имеет непосредственное отношение к проблеме политического участия молодежи. В конечном счете, политика есть дело, основанное на чувстве «полиса» — замкнутого и обжитого социального пространства, вне которого гражданин не мыслит реализации своих основных интересов. Несовпадение пространства жизни с пространством жизненных целей приводит к разрыву экзистенциальных связей с «полисом», неизбежные спутники которого — апатия и пассивность (не только политическая, но и экономическая, социальная, психическая).

По данным Института социальных и политических технологий, деполитизация сознания была особенно заметна у молодежи в возрасте до 25 лет. Низкий уровень интереса к политике, безразличие к ней или охлаждение в ходе перестройки был характерен для 48–51 % этой категории населения⁶. Согласно результатам исследования, лишь 8–10 % активистов ведущих партий составляли люди моложе 30 лет⁷. В связи с этим необходимо учесть, что формы политической активности российской молодежи — исключения на фоне практически тотальной пассивности.

Первые годы периода, именуемого «перестройкой», были ознаменованы неожиданной встречей советского общества с когда-то давно и таинственно порожденными им молодежными субкультурами. Как правило, с понятием субкультуры принято связывать национальные, классовые, демографические общности. Они бывают пассивны, когда молодые люди ограничивают сферу своей жизнедеятельности только искусством или, предположим, психоаналитическими опытами. Но могут выражаться и в молодежном протесте против недемократических норм общества, мани-

пулирования сознанием со стороны властных структур и т.д. Возрастные особенности молодежи, затрудненность ее доступа к материальным и духовным благам, неравноправное положение в обществе обуславливают и ограниченность ее культуры, и отторжение ею культуры официальной⁸.

В числе молодежных субкультур, помимо религиозных (кришнаиты и т.н.) можно назвать агрессивно-конформистские (лбоберы, коммунары), нон-конформистские антиавторитарные (металлисты, панки, хиппи и др.) и авторитарные (казанские моталки, наци). Каждая из них имела свою предысторию, которая в отдельных случаях начиналась в конце 60-х, начала 70-х гг. XX столетия. Повышенная активность субкультур в 1985–1987 гг. была следствием начавшейся либерализации, в условиях которой, агрессивно-конформистские группы, к примеру, активизировались именно потому, что болезненно восприняли «попустительство» властей вызывающему поведению неформалов⁹.

Наиболее благоприятным для легализации субкультуры был именно начальный период либерализации, когда типичные для советского общества нормативные образцы и стереотипы сознания еще не утратили своей актуальности для значительной его части. Исследователи молодежных объединений Л. Запесоцкий и А. Фаин приводят в своей книге письмо матери, поглощенной задачей вызволения дочери из среды хиппи: «...когда я почувствовала, что одна не могу справиться, я решила обратиться к общественности ... Тем более, что к тому моменту уже прошел XXVII съезд КПСС, съезд ВЛКСМ, был принят ряд постановлений о работе с молодежью, где говорилось о необходимости бороться за каждого советского человека»¹⁰.

Многочисленные письма подобного содержания, направлявшиеся в средства массовой информации, свидетельствуют, что моральный консенсус общества еще не был окончательно утрачен, равно как не была еще подорвана в корне та нормативная инстанция («общественность»), которой растерянные родители могли делегировать свое право воздействия на детей. Иными словами, господствующие идеологические и моральные образцы еще находили опору в достаточном запасе общественного конформизма¹¹.

Обсуждение молодежи в печати, научной и популярной литературе с 1987 по 1989 гг. проводилось на «двух фронтах». Первым фронтом было раскрытие новых тем, якобы в духе перестройки. На страницах газет и журналов бесконечно появлялись статьи про металлистов, панков, рокеров, волнистов, про новые религиозные группы и т.д. Научно-исследовательский Центр ВКШ (Института молодежи), а также Институт социологии РАН опубликовали немало работ, в которых предпринимались попытки определить численность групп неформалов, описать формы их деятельности и их объединения. Исследователи ВКШ показали, что уже 60 % молодых людей так или иначе, вписались в подобные неформальные объединения, что эти объединения количественно были небольшими (10–20 чел.), что примерно одна треть из них имела свои правила и своего лидера.

Комсомол предпочел отказаться от статуса массовой организации, позволив молодежи свободно выходить из его рядов. Руководство комсомола решило, что запрещать неформальные объединения уже бесполезно — наоборот, запрет имел бы обратный эффект, и участие в них стало бы еще привлекательнее. Поэтому комсомольские идеологи принялись отрабатывать «дифференцированный подход» к нефор-

мальным объединениям и движениям. Подход к нейтральным неформалам (рокерам, панкам, металлистам, скейтбордистами т.д.) был основан на принципе перевоспитания и облегчения процессов социализации молодежи. Появление именно таких групп комсомол связывал с недостатками в работе всех институтов социализации, в том числе — семьи, школы и самого комсомола. Комсомол инициировал создание рок-лабораторий, клубов мотоциклистов, спортивных кружков, пытаясь привлечь в эти «новые молодежные места» молодежь с улицы. Особо смелые комсомольские активисты пытались войти в разные неформальные объединения (тусовки), чтобы изнутри направить их деятельность в нужное русло. По отношению к антиобщественным группам комсомол видел лишь один реальный путь — путь борьбы с ними. Тем более, что этот метод работы был более знакомым и понятным¹².

Таким образом, политическая культура, сложившаяся в Советском государстве к середине 1980-х гг., характеризуется фрагментарностью, несовпадением ценностей и поведения большинства социальных групп, различавшихся по положению в обществе. В научной литературе выделяют два главных сегмента политической культуры, справедливо считая это разделение доминирующим над социально-классовой и национально-этнической фрагментарностью, — это государственно-политическая (бюрократический иррационализм) и общественно-политическая (тайное инакомыслие) культура¹³.

Противоречивость культуры, наличие в ней инакомыслия явились одним из мощнейших толчков к перестроечным переменам. Действительно, гражданская anomia, будучи опасной для демократии, подготовливала перемены в авторитарическом обществе. Не случайно английский социолог и политолог, преподаватель Кембриджского университета Дэвид Лэйн писал, что неоднородность советской политической культуры влияет на эволюцию государства¹⁴.

Исследователи, занимающиеся проблемами молодежи перестроечного периода, отметили также поляризацию политического сознания юношей и девушек. Среди них выделялись наиболее активные, кто по своей инициативе вступал в дискуссии на политические темы или участвовал в работе неформальных объединений. Однако параллельно усиливался и политический нигилизм, и часть неформальных самостоятельных объединений обрела асоциальный и даже антисоциальный характер. В отношении комсомольских организаций молодые люди часто высказывали весьма критические замечания, воспринимая эти организации как замкнуто-бюрократические, оторванные от проблем и интересов молодежи¹⁵.

В середине 1980-х гг. через рок-культуру в сознание молодежи вошли слова Виктора Цоя: «Перемен требуют наши сердца». Но почему затем он добавлял: «И вдруг нам становится страшно что-то менять?». В музыкальном рефрене прозвучала боль за настоящее и тревога за будущее. Большая часть юношей и девушек еще не проснувшись от губительной бездеятельности, а их мысли и чувства, сконцентрированные в поступке, прорывались к массовому сознанию. Сама молодежь определяла болевые точки общества, но всеобщая апатия и равнодушие образовывали вакуум. Таким образом, в условиях системного кризиса перестроечного периода сформировалось особое политическое поколение — первое постсоветское политическое поколение.

Примечания

- ¹ Данилов А.Н., Драговец В.Н. и др. Молодежь и демократизация советского общества: социологический анализ / Под ред. С.А. Шавеля, О.Т. Манаева. М., 1990. С. 5.
- ² Шереги Ф.Э. Социология политики: Прикладные исследования. М., 2003. С. 71.
- ³ Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. С. 359–360.
- ⁴ Документы и материалы XXI съезда ВЛКСМ. М., 1990. С. 14.
- ⁵ Богомолов Ю., Добрынина Л. Кто уедет из СССР // Аргументы и факты. 1991. № 29.
- ⁶ Социально активные силы России: условия и пути их консолидации: Результаты социологического исследования. М., 1991.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Капицын В.М., Красова Е.Ю. Приручить Левиафана: о молодежи в меняющемся мире политики. Воронеж, 1991. С. 140.
- ⁹ Игрунов В. Молодежь в политике вчера и сегодня: <http://www.ignunov.ru>
- ¹⁰ Запесоцкий А., Файн А. Эта непонятная молодежь. М., 1990. С. 40.
- ¹¹ Игрунов В. Указ. соч.
- ¹² Там же.
- ¹³ Рубанов В. Демократия и безопасность страны // Коммунист. 1989. № 11. С. 45–47.
- ¹⁴ Капицын В.М., Красова Е.Ю. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁵ Данилов А.Н., Драговец В.Н. и др. Указ. соч. С. 72.

*С.В. Голикова
(Екатеринбург)*

ПРОВОДЫ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ: (НЕ)ОКУЛЬТУРЕННЫЕ ЭМОЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.).

Тенденция к антропологизации исторического знания, появление исторической психологии, истории повседневности, «устной» истории приблизили исследователей к человеку с его переживаниями и представлениями о себе и окружающем мире. Историзация «человека чувствующего» привела к возникновению особого направления под названием «история эмоций». Оно изучает, каким образом социокультурный контекст оформляет, канализирует, дифференцирует и семиотицирует естественные импульсы человека, превращая их в значимые элементы общественной практики.

Конечно, среди описаний проводов на военную службу встречаются малоэмоциональные. Вполне спокойно и буднично повествует об уходе в армию некоего «Ванюхи» В. Серебрянников: «В воскресенье вечером мы целой компанией пошли к нему. Изба была почти полна народом, «сусидями-приближенными», пришедшими проводить Ванюху в солдаты. Ванюха сидел за столом с друзьями и угощался: подавали мясо, капусту, огурцы, каши. После ужина побеседовали немного. Зажгли перед образами свечи, помолились, родители благословили его иконкой, и он стал со всеми прощаться, целуясь накрест. Все вышли в ограду. По обычаю пошли провожать за околицу. Иван "в обнимку" с товарищами-молодцами шел впереди. Затянул он старинную солдатскую песню. Сзади толпы провожающих семеняла с плачем мать-старушка и ехал ямщик. Проводили за селение, простились еще раз, и уехали»¹.

Однако среди источников преобладают свидетельства прямо противоположного свойства, в которых наряду с передачей настроения участников события, авторы показывают свое отношение к ним. Уже в сообщениях, датированных серединой XIX в., говорилось о «растроганных чувствах», «сердечных излияниях», которые выражали чаще всего с помощью слез². Автор 1860-х гг. называет отправляющегося на службу «сердешным», а его состояние определяет как стремление «забыть горе-